

По дороге обратно, прижимая к себе Цзян Жугу, Нин Цзючэнь чувствовала, как от всего экипажа веет леденящим холодом. Водитель не смел вымолвить ни слова, опасаясь навлечь на себя гнев старшей госпожи. Сама же Цзян Жугу вела себя на редкость послушно: прижавшись к ее груди, она замерла и не делала ни малейшего движения.

В душе Нин Цзючэнь бушевало беспричинное пламя, и она сама не понимала, что с ней происходит. Все вопросы разрешились благополучно, но злость никуда не делась. На кого именно она сердилась и на ком сорвать этот гнев — оставалось полной загадкой.

Лишь когда Цзян Жугу заерзала у нее на руках, Нин Цзючэнь заметила неладное. Девушка то и дело терлась лбом о ее живот: со стороны это напоминало лаптящегося пушистого щенка, который выпрашивает у хозяина ласку, но Нин Цзючэнь было совсем не до смеха.

Хотя ей не доводилось пробовать свинину, она по крайней мере видела, как бегают свиньи. На этот раз главный герой зашел куда дальше в своих кознях: мало того что он подсыпал наркотик себе, так еще и Цзян Жугу не обошел стороной. Из-за поднявшейся высокой температуры девушке срочно требовалось хоть немного остыть. Наверное, случайно задев обнаженную руку Нин Цзючэнь, она почувствовала контраст температур и теперь неудержимо тянулась к ее телу.

Перехватив Цзян Жугу и прижав к себе так, чтобы она не могла сделать ни одного лишнего движения, Нин Цзючэнь скрывала за ледяным выражением лица и беспокойство, и легкую жалость.

— Погоняй быстрее.

Услышав раздраженный голос старшей госпожи, водитель тут же сильнее надавил на педаль газа, взметнув скорость с шестидесяти километров в час до восьмидесяти.

Запертая в объятиях Цзян Жугу все еще не унималась и, улучив момент, когда Нин Цзючэнь потеряла бдительность, рванула воротник своей рубашки. Первые две пуговицы на поло разлетелись от ее же рывков. Бросив случайный взгляд, Нин Цзючэнь отчетливо увидела слегка обнаженную пышную грудь девушки. Нин Цзючэнь казалось, что она сама сейчас взорвется на месте. Крепко прижав Цзян Жугу к себе и перехватив одной рукой оба ее запястья, она не оставила ей ни шанса на продолжение.

— Быстрее, я сказала!

Деваться было некуда, и водитель, выехав на скоростное шоссе, выжал все сто двадцать. Сама же Нин Цзючэнь, занятая умирением Цзян Жугу, вовсе не замечала скорости. Видя, что старшая госпожа не дает новых указаний, шофер продолжал гнать. Машина мчалась стрелой, и даже у выдавшего виды опытного водителя замирало сердце от страха перед возможной бедой.

Ворвавшись в дом в полном раскалении, прижимаемая к груди Цзян Жугу уже обвила ее шею руками и принялась непрерывно тереться о незащищенную кожу. Одним ударом распахнув дверь ванной, Нин Цзючэнь бросила девушку прямо в ванну, наполненную холодной водой.

Наполовину в сознании, наполовину в забытьи, Цзян Жугу продолжала срывать с себя одежду, но даже оставшись совершенно голодной, не чувствовала прохлады. Нин Цзючэнь включила душ, направила струю холодной воды ей в лицо и хлопнула по щеке:

— Приди же ты в себя!

Движения Цзян Жугу на секунду замерли, и Нин Цзючэнь понадеялась, что та опомнилась. Однако мгновение спустя девушка снова обхватила ее за талию, пытаясь затянуть в ванну, а мягкой щекой все терлась и терлась о ее тело, ища спасительной прохлады.

Бешенство Нин Цзючэнь достигло предела. Одним резким движением она вырубил ее ударом, захлопнула дверь ванной изнутри и оставила одну отмокать в холодной воде, чтобы та наконец пришла в себя.

Перед глазами стояла отвратительная сцена: грубый мужлан верхом на Лун Батяне судорожно двигался туда-сюда, а Лун Батянь с полным взаимопониманием лежал внизу, подыгрывая ему. Старый глава Лун никак не ожидал, что, открыв дверь, он наткнется на столь откровенное зрелище, и упал в обморок от пережитого шока прямо на месте.

И без того слабое здоровье старого главы после этого покатилося по наклонной. Разочаровавшись в никчемном младшем сыне, он окончательно передал всю власть в руки старшего.

Когда Лун Батянь пришел в себя, его все еще продолжали прижимать снизу, а эта торчащая штука все так же непрерывно двигалась внутри него. После пережитого Лун Батянь приобрел серьезную психологическую травму: его обмякший низ больше не мог выносить прикосновений к кому бы то ни было, а особенно он панически боялся, когда мужчины подходили к нему слишком близко.

Его собственная группировка окончательно рухнула, а старик поддерживал лишь старшего брата. После смерти отца Лун Чжэньтянь и вовсе выставил Лун Батяня вон из фамильного особняка, перекрыв любые денежные поступления и заставив зарабатывать на жизнь самостоятельно.

Огромная пропасть между небесами и землей, истощение сил и духа, неумение зарабатывать на жизнь и непрекращающаяся травля со стороны тех, кого он некогда презирал, — в конце концов, доведенный до абсолютного отчаяния Лун Батянь покончил с собой.

Задача была выполнена, а все планы для Цзян Жугу и родителей Нин — надежно расписаны наперед. В одну из тихих ночей Нин Цзючэнь предпочла скончаться за письменным столом от внезапной остановки сердца.

Узнав о смерти Нин Цзючэнь, Цзян Жугу долго не могла поверить, что это правда. Наверное, это ее любимый кошмар, ведь не мог присниться столь абсурдный сон. Такой умной и решительной Нин Цзючэнь суждено жить до ста лет.

Лишь увидев тело Нин Цзючэнь своими глазами, Цзян Жугу была вынуждена принять этот факт: та ушла вот так тихо, не сказав ни слова. И ведь назло — в последнее время она из страха выдать свои чувства и оттолкнуть ее сама держалась на расстоянии, из-за чего вовремя не заметила чужеродного переутомления. Если бы она по-прежнему липла к ней, как в самом начале, возможно, та бы не ушла. По крайней мере, заметив неладное, она успела бы вызвать скорую, а не осталась бы беспомощной перед лицом свершившегося факта ее ухода.

На самом деле тогда, в ванной, от ледяной воды ее рассудок прояснился не до конца. Поддавшись мысли о том, что в столь чрезвычайных обстоятельствах Нин Цзючэнь, пожалуй, не станет сопротивляться, и не в силах совладать с безумным желанием, порожденным действием наркотика, она позволила себе сорваться. Она позволила себе попытаться свалить Нин Цзючэнь с ног.

Реакция Нин Цзючэнь превзошла все ее ожидания. Она не смела верить и вспоминать об этом инстинктивном отталкивании. Температура тела продолжала расти, но сердце стыло с каждой секундой — поистине лед и пламя. Быть может, потрясенное душевное состояние тоже ослабило мощное действие препарата: погруженная в холодную воду и постепенно обретавшая ясность рассудка, она силой собственной упрямой воли переборола наркотик.

Четкий и недвусмысленный отказ Нин Цзючэнь дал Цзян Жугу понять: кого бы ни полюбила эта женщина, ей самой никогда не быть той самой. Вместо того чтобы сталкиваться с неловким молчанием после того, как Нин Цзючэнь догадается о ее чувствах, лучше было спрятать все глубоко внутри, притворяясь, будто это луна в зеркале и цветы в воде — прекрасная иллюзия, которой никогда не существовало.

С того самого дня Цзян Жугу то незаметно, то явно отдалялась от Нин Цзючэнь: ровно настолько, чтобы не казаться чужой, но уже не быть ближе всех. Знало ли о ее отдалении Нин Цзючэнь? Цзян Жугу не ведала, но понимала: при остром уме Нин Цзючэнь наверняка молчаливо приняла ее правила.

В день похорон Нин Цзючэнь собралось множество людей, но искренне скорбел ли кто-нибудь, помимо Цзян Жугу и родителей Нин? Глядя на чернеющее море поникших голов, Цзян Жугу находила это пугающе ироничным.

Погода в тот день была пасмурной, затянутой дождевым туманом — точно так же, как и появление, и уход Нин Цзючэнь из ее мира, прошедшие бесшумно и незаметно.

В последующие дни Цзян Жугу уже не помнила, как именно брела сквозь учебу. Она училась с упорством и ожесточением, выбрав ли это занятие способом забыться в хлопотах или попыткой почтить память ушедшей тем же путем — знала лишь она сама.

Нин Цзючэнь тайком оставила ей огромное состояние, оформив все документы на ее имя, — даже не работая до конца дней, можно было не знать нужды. Цзян Жугу не приняла этот дар, передав всё имущество родителям Нин. За исключением лишь той небольшой квартирки напротив школы, где они жили вместе с Нин Цзючэнь.

Когда пришли результаты единого госэкзамена, Цзян Жугу с блестящим отрывом стала лучшей выпускницей провинции. Однако она не выбрала ни любимую биоинженерию, ни ожидавшееся родителями Нин финансовое направление, а молча и решительно поступила на восьмилетний медицинский факультет непрерывного обучения.

На первом занятии куратор спросила первокурсников о причинах выбора медицины: кто-то отвечал ради спасения жизней, кто-то — ради надежности государственной службы, а кто-то — в надежде дожить до ста лет. Ответ Цзян Жугу затерялся среди остальных: она сказала, что не хочет, чтобы кто-то уходил из этого мира молча, без единого объяснения.

Все эти годы она исполняла долг дочери перед родителями Нин, окружая их заботой и расспросами, и те полюбили ее как родную. Изредка они заводили разговоры о том, что пора бы ей остепениться и выйти замуж. В студенческие годы она отвечала, что еще рано и спешить некуда, ведь подходящий человек встретится в свое время. Позднее, после начала работы, она говорила, что ни к кому не лежит душа и ей хочется прожить эту жизнь в одиночестве.

Она никогда и никому не признавалась, что продолжала любить Нин Цзючэнь. Видя ее одинокую жизнь, родители Нин искренне сочувствовали ей: время от времени они собирались вместе за ужином, болтали и заодно пытались сватать молодых людей. Позже она тихо удочерила живую и милую девочку. Наверное, в старости людям свойственно мечтать о детском смехе рядом, и с появлением того, кого можно было назвать внучкой, родители Нин перестали докучать ей предложениями.

Маленькая Чэнь, приемная дочь Цзян Жугу — Цзян Мучэнь, — часто думала, что ее мать похожа на робота: без лишних эмоциональных всплесков, она лишь до безумия, до самозабвения работала, и остановить ее не было никакой возможности.

Каждые выходные мать брала ее с собой навестить тетю Нин — ту самую, как она знала, родную дочь дорогих ей дедушки и бабушки. Казалось, лишь стоя у ее могилы, мать позволяла себе крошечную бурю эмоций, но маленькая Чэнь не любила это выражение ее лица: от него веяло давящей тоской. Позже, когда она подросла, она поняла: в том взгляде скрывалось множество невысказанных чувств — одиночество, печаль, тоска и тлеющая на самом дне невыносимая привязанность.

Привязанность? Наверное, она просто напридумывала лишнего, разве такое возможно? Ей страшно хотелось спросить обо всем напрямую, но не у кого: к тому моменту, когда она решилась задать вопрос, матери уже не было в живых.

В тот день мать не приготовила ей завтрак, как делала всегда. Толкнув дверь в ее спальню, девочка никого не обнаружила. В гостиной, в ванной, на кухне — она звала повсюду, пока не

приоткрыла дверь в кабинет. Там она увидела мать: та сидела за столом с закрытыми глазами, и на ее лице застыло умиротворение, какого девочка никогда прежде не видывала. Уход матери оказался внезапным: она тихо скончалась, прямо склонившись над письменным столом, и разбудить ее было уже невозможно.

Исполняя волю, о которой когда-то обмолвилась мать, она похоронила ее рядом с могилой тети Нин. Она никогда не спрашивала о причинах, точно так же, как не спрашивала, почему они столько лет жили в той тесной квартире напротив школы, хотя оттуда было так далеко до больницы, где работала мать. Раньше она не знала, как подступиться с расспросами, а позже просто не осталось никого, у кого можно было бы спросить.

Всю свою жизнь Цзян Жугу ждала того, кого дождаться было невозможно, и угасла от тоски, не дожив и до сорока. А эта безмолвная, никем не ведомая безответная любовь так и затерялась навсегда в бурных водах времени.

Этот мир подошел к концу, так что не забрасывайте меня лезвиями, мои дорогие! В следующий мир мы отправимся в далекую древность!

Какая еще из тебя лучшая выпускница!

Содержание главы все еще обрабатывается, пожалуйста, вернитесь позже

Глава первая. Сдача экзаменов

— Ваше Высочество, бегите медленнее, упадете же!

На этот раз даже сама Нин Цзючэнь растеряла остатки бывшего хладнокровия. Внезапно превратившись в девчонку с тонкими ручками и ножками, она оказалась в положении, когда каждый норовит указывать, что ей делать. Даже в саду нельзя было пройти чуть быстрее, чтобы сзади тут же не раздалось назойливое бормотание — сущее наказание!

— Что ты со мной сделала, почему я оказалась в таком крошечном теле?!

— Великая хозяйка, не гневайтесь, я же действую исключительно в ваших интересах! Сами подумайте: в императорском дворе все только и делают, что плетут интриги, каждый из них — хитрейший лис. Вы же здесь не местная, и если бы переселились точно в момент кульминации истории, вас тут же разоблачили бы по малейшему несоответствию!

Глядя на качающего головой пушистого котенка, Нин Цзючэнь не испытывала ни малейшего желания потрепать его за шерстку. На нее эти фокусы с милыми мордашками не действовали. Присев на корточки, она отвесила коту звонкую затрещину прямо по лбу, совершенно игнорируя его жалобное мяуканье.

— И это ты называешь поводом для моего позора?

— Великая хозяйка, я ведь от чистого сердца, все ради вашего блага, вы только поймите...

Бла-бла-бла, Система принялась разыгрывать целый монолог, звучавший так, будто бессовестный мужчина растоптал ее чистую и преданную любовь.

— Заткнись, мне лень с тобой спорить, от тебя все равно толку никакого.

Стоило вспомнить об этом, как у Нин Цзючэнь тут же закипал характер. Эта проклятая полудохлая Система не могла выбрать нормальный момент для перемещения: мало того что она угодила в тело ребенка, так еще и в самый момент прибытия ее сорвали догола и засунули мыться в деревянную бадью.

Нин Цзючэнь терпеть не могла чужих прикосновений, а уж лежать голой, не имея возможности сопротивляться, и смиренно терпеть чужие ухаживания — для обычных людей такое купание было в радость, но для нее равнялось изощренной казне.

Разозлившись, она несколько дней игнорировала Систему, а успокоившись, все равно хотела обругать ее всласть, хотя втайне признавала правоту машины. Ведь выбранный Системой момент для появления в сюжете и впрямь подходил как нельзя лучше, чтобы контролировать развитие дальнейших событий.

Нин Цзючэнь перенеслась аккурат в тот день, когда ее прежняя оболочка только переступила порог императорского дворца, не имея ни малейшего понятия о местных порядках, — идеальная возможность начать обучение с чистого листа.

Говоря об оригинальной хозяйке тела, это была та еще несчастная душа.

Мать родила ее в разгар смутного времени: полыхали пожары войны, враги уже прорвали городские ворота, а отец — в ту пору еще один из принцев — сражался на дальних рубежах и не мог прийти на помощь семье. Мать отличалась твердостью моральных устоев и отказалась бежать. Произведя на свет, она велела слугам вывезти младенца за пределы дворца и отдать на воспитание надежным людям, рассчитывая воссоединиться с дочерью после победного возвращения мужа, а сама бросилась с крепостной стены, последовав за павшим городом.

Вот только сопровождавшие слуги на полпути бросили ребенка в диком поле, прихватив с собой серебро и драгоценности ради спасения собственных шкур. К счастью, мать догадалась зашить парные нефритовые подвески-утки в ее нижнюю рубашку, благодаря чему сокровища не попались на глаза беглым рабам.

С тех пор прошло восемь лет. Приемные родители, приютившие девочку, тоже скончались. Не имея средств даже на их похороны, она вспомнила про ту самую подвеску и отнесла ее в ломбард, чем случайно привлекла внимание и в качестве памятной вещию была возвращена отцу-императору.

Вспоминая об императоре, тот после победоносного возвращения тяжело переживал гибель жены и пропажу дочери. И хотя впоследствии, взойдя на престол, он обзавелся гаремом из трех тысяч красавиц, в его сердце все еще жила тоска по первой супруге, с которой они делили те самые парные подвески. В память о ней император посмертно пожаловал матери титул императрицы.

Поэтому, узнав, что потерянная много лет назад родная дочь наконец нашлась, император поспешил забрать ее во дворец. Ей даровали титул принцессы Иань и окружили невиданной роскошью и заботой: от нее не требовали учить придворный этикет, не принуждали к каллиграфии, позволяя заниматься всем, к чему лежала душа. Ее баловали настолько, что любовь государя затмила даже расположение к наследному принцу. Если бы не женский пол, наследнику наверняка пришлось бы серьезно опасаться за свое положение.

На этот раз негодяй-возлюбленный оказался весьма сообразительным Чжуанъюанем, но Нин Цзючэнь не спешила. У нее было предостаточно времени на постепенную расстановку сил: в конце концов, тот мерзавец появился в поле зрения лишь тогда, когда она достигла возраста невесты, чего вполне хватало для выстраивания собственной партии.

Кхе-кхе, — император легким покашливанием напомнил о своем присутствии бегающей по саду Нин Цзючэнь.

— Августейший батюшка, — Нин Цзючэнь послушно подбежала к нему.

— Что же ты вытворяешь, куда это годится?

Нин Цзючэнь захлопала большими глазами, и ресницы ее мгновенно намокли:

— Батюшка, я хочу мыться сама, и еще... я не хочу учить те правила, которым учат старые наставницы.

Император присел на корточки, подхватил ее на руки и легонько ущипнул за нос:

— Разве так можно? Без правил не бывает порядка.

Обхватив его за шею и раскачиваясь из стороны в сторону, Нин Цзючэнь пустила в ход капризы:

— Ну нет, нет! Раньше ведь не было такого, вы больше не любите меня, совсем не жалеете!

Стоило признать: ласковые дети первыми получают угощение. Ради того, чтобы немного увильнуть от повинностей и облегчить себе дальнейшие действия, вечно холодная и отстраненная Нин Цзючэнь без сожаления отбросила остатки гордости, превратившись в очаровательную капризную девочку, которая крутила императором как хотела.

Ущипнув ее за пухлую щечку, император наконец сдался:

— Хорошо-хорошо, пусть будет по-твоему, довольно?

При всем восхищении выдающейся актерской игрой хозяйки, Си тем не менее не переставало хихикать: неужели этот мягкий, беззащитный комочек действительно был их ледяным демоном-повелителем?

Завоевывать сердца людей приходилось с ближайших служанок и евнухов. Во дворце следовало проявлять крайнюю осторожность на каждом шагу: никогда не угадаешь, откуда вырастут корни очередной беды. Чем сильнее император баловал ее, тем больше обитателей гарема точили зуб на девочку, пытаясь навредить исподтишка.

Имин, Июэ, И Цин, И Фэн — Нин Цзючэнь сама нарекла именами четырех служанок из своего окружения. Она не давила на них статусом хозяйки и время от времени щедро одаривала, помогая решать их насущные проблемы. На фоне остальных дворцов условия в Павильоне Мусян, где жила Нин Цзючэнь, казались поистине роскошными. При этом Нин Цзючэнь неизменно сочетала милость со строгостью, четко разделяя субординацию, а благодаря благосклонности императора у прислуги были отличные перспективы. Все доставшиеся в ее подчинение служанки и евнухи хранили ей абсолютную преданность.

Поначалу Нин Цзючэнь опасалась, что скорое пожалование титула принцессы Иань вызовет зависть и во дворец к ней зашпионят соглядатайские пары глаз в поисках промахов. Однако обитатели ее крыла оказались на редкость простыми и смывленными людьми; судя по всему, за благополучием прежней хозяйки стояли закулисные труды самого императора.

Единственным, с чем Нин Цзючэнь смириться было тяжелее всего, оказалось полное ничтожество ее некогда гордого боевого мастерства в этих условиях. К тому же тело прежней владелицы отличалось болезненной хрупкостью, доставляя немало хлопот.

Нин Цзючэнь мечтала с детства постичь боевые искусства наравне с принцами, но даже в отношении такой мальчишеской науки император, готовый пойти на уступки из-за своей привязанности, и думать не хотел о подобном. Именно из-за чрезмерной опеки государь опасался за ее слабое здоровье. Стоило ей лишь слегка побежать, как по приказу отца за каждым ее шагом следили со страхом, боясь, что принцесса оступится или ушибется.

В силу хилого сложения стоило Нин Цзючэнь вечером о чем-то излишне задуматься, как на утро ей становилось не по себе. Этого было достаточно, чтобы переполошить целую толпу слуг, страшившихся лишиться голов за малейшее недомогание любимицы императора. Прибывший лекарь прописал лекарства, наказав ложиться пораньше, поменьше размышлять и не предаваться сновидениям; после нескольких отваров все прошло. Тревога оказалась ложной, но сердца слуг наконец успокоились.

Отвергнув засахаренные фрукты, протянутые Имин, и приняв из рук Июэ черную, горькую жижу, Нин Цзючэнь единым махом влила ее в себя. Подумаешь, велика ли горечь! Разве Нин Цзючэнь похожа на любительницу сластей? Никакой изнеженности.

Игнорируя мерзкий вкус отвара, который по степени терпкости намного превосходил современные китайские лекарства, она мимоходом бросила взгляд на засахаренные плоды в руках Имин. Нет, ей вовсе не нужны сладости, нельзя ронять свое достоинство.

Отвлечшись, Нин Цзючэнь вспомнила слова лекаря и у нее в голове созрел отличный план. Сны — сны подходят идеально.

Когда император пришел проводить ее, она сослалась на то, что во сне к ней явился старый бессмертный дедушка и предсказал тяжелое наводнение на юге, с которым местные чиновники не смогут справиться. Дед велел ей усердно заняться боевыми искусствами, закалить тело и лично отправиться на место происшествия, чтобы уладить беду и успокоить беженцев.

Откуда Нин Цзючэнь заранее знала о грядущем бедствии? Разумеется, благодаря детальному анализу сюжета: именно с этого крупного дела по ликвидации потопа начинался подъем главного героя Лю Чжишу. Завоевав впоследствии звание Чжуанъюаня, тот привлек внимание государя, после чего и был выбран в зятя-императоры. Ну что ж, прости, на этот раз заслуга в умирении стихии перейдет к другому, а твою славу я заберу себе.

Хотя древние безоговорочно верили вещим снам, осторожный и чересчур заботливый император поначалу колебался. Лишь когда из мирного южного края пришли тревожные вести о разбушевавшейся стихии, государь поверил предсказанию и прислал к ней главу тайной стражи обучать боевым приемам. Только тогда Нин Цзючэнь узнала, что отец все это время негласно приставлял к ней тeneвых стражей для охраны.

Пусть тело прежней хозяйки не располагало к единоборствам, но существовало ли нечто, чему Нин Цзючэнь не могла научиться при должном усердии? Меньше чем за полгода она овладела искусством на восемьдесят процентов. Умная и работоспособная, она оказалась истинным гением, в рекордные сроки завоевавшим авторитет у всех тайных стражей во главе с их командиром. Последний пришел в такой восторг от столь выдающейся ученицы, что тайком удочерил ее. Иными словами, теперь она могла за спиной императора поднимать по тревоге отряды скрытной стражи.

Правда, командир предусмотрительно утаил от государя истинные таланты принцессы, доложив лишь, что после тренировок ее здоровье значительно укрепилось. Он вынашивал планы возвести Нин Цзючэнь на престол: чем дольше они общались, тем очевиднее становилось, что перед ним редчайший за тысячелетия талант, намного превосходивший силой духа нынешнего наследника — второго принца. Но, как говорится, выступающий из ряда вон сук рубят первым, и командир не желал раньше времени выставлять ее под удар чужих интриг.

По иронии судьбы, в этой жизни у Нин Цзючэнь не было никаких притязаний на трон. Амбиции? Избавьте, для выполнения заданий это вовсе не требовалось, зачем лишние хлопоты?

Обретя такую поддержку, Нин Цзючэнь задумала расширить собственное влияние, чтобы

впоследствии иметь возможность вершить судьбу главного героя по своему усмотрению. Как раз вовремя император завел разговор о наводнении, и она, сославшись на вещий сон, добилась разрешения отправиться на Юг.

Несмотря на юный возраст, местные чиновники из почтения к ее статусу не смели открыто выказывать пренебрежение, однако в делах борьбы со стихией всерьез ее не воспринимали — ну что может понимать ребенок?

Нин Цзючэнь не спешила, позволяя им всласть барахтаться в неудачах, пока сама занялась поиском и вербовкой талантов. Беженцев вокруг хватало с избытком, а значит, было где развернуться в поиске одаренных людей. Разобравшись с этим вопросом, она планировала вернуться и помочь с дамбами, прикрываясь наставлениями божественного старца из снов. И можно было не бояться излишней заметности — во всем виноват вещий сон.

Результаты поездки превзошли все ожидания Нин Цзючэнь. Южный край действительно оказался благодатным местом, где меньше всего испытывался дефицит талантливых людей. Теперь Нин Цзючэнь чувствовала себя абсолютно уверенно: когда появится главный герой, в ее арсенале найдется тысяча способов сжить его со света, ведь реальная сила — это главная гарантия безопасности.

Как назло, на обратном пути ей попалась шайка работоторговцев, продававших детей. Нин Цзючэнь без раздумий вмешалась и выкупила всех бедняг. Разумеется, спасение слабых — дело благородное, да и обзавестись собственными подручными, которых можно воспитывать сызмальства, — сделка далеко не убыточная.

Внимание Нин Цзючэнь привлекла лишь одна девочка, лежавшая на носилках. Несмотря на то, что из-за тонких черт лица ее едва не сбили с рук владельцам увеселительных заведений, Нин Цзючэнь не дошла до такого безумия, чтобы засматриваться на чужих детей. Хотя главной причиной было то, что она в принципе не страдала любовью к смазливym личикам.

Она обратила на нее внимание исключительно из-за сплошной кровавой корки на теле бедняжки и полуживого состояния — спасти людей нужно было немедленно. По слухам, девочку жестоко наказали за непослушание. Непослушание? Как интересно. Нин Цзючэнь мысленно прикинула: если после выздоровления та не сможет вернуться домой, вполне можно оставить ее при себе для развлечения.

Если подумать, окружающие ее здесь люди либо источали яд из каждого угла, либо дрожали от страха перед любым приказом — скука смертная. Теперь, когда основные дела завершились, завести кого-то для разгона тоски было совсем неплохо.

Хань Юйи: Ты собираешься объясняться или нет? Мало того, что до сих пор не показала меня читателям, так еще и в этом мини-эпизоде, будучи героиней, опять не даешь мне выйти на сцену?!

Автор: Ну... э-э... понимаешь... вообще-то ты уже на сцене, разве не тебя сейчас несут на носилках?

<http://bllate.org/book/21621/2230356>